

ИСТОРИЯ ИРЭН

Через боль к себе

*История
о потере,
силе и возвращении
к себе*

Ирэн Андраш

Через боль к себе

<https://litres.ru/74615562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она любила. Верила. Ждала. Пыталась спасти отношения, даже когда постепенно теряла себя.

Но однажды любовь закончилась — и Ирэн осталась наедине с болью, воспоминаниями и жизнью, которую нужно было начинать заново.

Ей предстояло понять: расставание — это не конец её истории. Это начало пути к женщине, которой она ещё только должна была стать.

«Через боль к себе» — история о разбитом сердце, тихой силе и смелости однажды выбрать себя.

Ирэн Андраш

Через боль к себе

ЧЕРЕЗ БОЛЬ К СЕБЕ

История о потере, силе и возвращении к себе

История Ирэн

Содержание

Часть I. Пока я верила в любовь

1. Пока я верила в навсегда
2. Привычка быть рядом
3. Трещины, которых я не замечала
4. Накануне тишины

Часть II. Когда всё рухнуло

5. Когда рушится привычный мир

6. Жизнь, которая осталась без нас
7. Дверь, которую я не могла перестать открывать
8. Когда тело тоже сдаётся
9. Надежда, которая причиняла боль
10. День, когда прошлое стало реальностью
11. Последний раз, когда я его увидела
12. Когда любовь превратилась в ненависть

Часть III. Возвращение к себе

13. Женщина, которой я научилась становиться
14. Я больше не та, что была прежде
15. Мне больше не нужно ничего доказывать
16. Я справлюсь сама
17. Прошлое больше не болит так, как раньше

18. Я больше не боюсь будущего

19. Через боль к себе

чтобы быть счастливыми. Нам хватало еды, разговоров и простого ощущения: сегодня

мы вместе.

Я думала, что счастье именно такое. Не громкое, не похожее на кино, а состоящее

из мелочей: человек помнит о тебе, хочет увидеть после дороги и готов провести

вечер рядом.

Мне хотелось внимания, нежности и маленьких неожиданностей. Чтобы он

иногда обнимал меня просто так, приносил цветы не после просьбы, а потому, что

увидел их и подумал обо мне. Чтобы сам предлагал куда-нибудь сходить,

придумывал, чем заняться, и давал понять, что наши отношения для него — не просто

привычная часть повседневности.

Но разве об этом нужно было говорить? Мне казалось, если человек любит, он сам

захочет делать такие вещи.

Я ещё не понимала, что даже близкие люди не всегда умеют угадывать желания

друг друга. О том, чего нам не хватает, важно говорить до того, как нехватка

превратится в обиду. Позже я научилась говорить — но к тому времени мне уже часто

казалось, что я разговариваю со стеной.

Мы прожили вместе несколько лет. За это время наша жизнь обросла

привычками, вещами, общими планами и множеством мелочей, которые по

отдельности казались незначительными, но вместе создавали ощущение семьи.

Я знала, что приготовить ему на ужин, где должны лежать его вещи и что купить

по дороге из магазина. Мне хотелось, чтобы дома ему было спокойно и уютно. Я не

считала заботу жертвой и не вела счёт сделанному. Когда любишь, многое

происходит естественно: замечаешь, что человеку нужно, и стараешься сделать его

жизнь немного легче.

По крайней мере, именно так я понимала любовь.

Наверное, поэтому я не сразу заметила, как моя забота стала восприниматься как

нечто само собой разумеющееся. Сначала он благодарил. Потом делал это всё реже.

Постепенно будто перестали замечаться чистая квартира, приготовленная еда, моё

ожидание вечера, когда мы наконец окажемся дома вдвоём.

Я не могу назвать точный день, когда всё изменилось. Не было утра, в которое я

проснулась и обнаружила рядом совершенно чужого человека. Всё происходило

незаметно: один вечер сменял другой, обещания растворялись в следующих неделях,

мы занимались делами и обсуждали бытовые вопросы. Внешне всё могло выглядеть

вполне нормально.

Только мне всё чаще чего-то не хватало.

Сначала я убеждала себя, что это мелочи. У него свои заботы, он устаёт, у него

работа и собственные переживания. Нельзя же требовать,

чтобы человек всё время

думал о романтике.

Я находила объяснения быстрее, чем успевала признаться себе, что мне больно.

Если он не замечал моего настроения, я старалась не показывать обиду. Если мы

давно никуда не ходили, говорила себе, что впереди ещё будет много возможностей.

Если мне хотелось внимания, иногда молчала, потому что боялась показаться

навязчивой.

Я всё ещё верила, что однажды наши отношения вернутся к тому, какими были

раньше. Нужно только немного подождать: закончится сложный период, он станет

меньше уставать, и мы снова найдём способ быть счастливыми.

Я не замечала, что всё чаще живу надеждой на неопределённое «потом».

Весной я наконец сказала ему, что мне не хватает романтики. Я долго подбирала

слова, стараясь объяснить всё спокойно, без упрёков. Мне не хотелось ссориться. Я

хотела, чтобы он услышал меня.

Он выслушал и купил мне цветы.

Я обрадовалась. Конечно, обрадовалась: я получила именно то, о чём говорила. Но

вместе с радостью появилось странное чувство, которому я тогда не сразу нашла

название.

Мне нужны были не просто цветы. Хотелось, чтобы он сам захотел их подарить.

Чтобы увидел букет по дороге и подумал обо мне, чтобы

ему самому пришло в голову

сделать мне приятно — без разговора, в котором я объясню, чего мне не хватает.

Со стороны всё выглядело просто: девушка сказала, что ей не дарят цветы, парень

пошёл и купил их. Что ещё нужно?

Но мне хотелось не букета. Мне хотелось чувствовать, что обо мне помнят, что

меня замечают и что мне не приходится напоминать о себе в отношениях, которые

должны принадлежать нам обоим.

Тогда я не смогла сказать об этом так ясно. Я поблагодарила его, прижала букет к

себе и постаралась поверить, что всё налаживается. Некоторое время мне

действительно было легче. Потом всё постепенно вернулось на прежние места — и

мне снова пришлось решаться на разговор.

Каждый раз я начинала с надежды. Мне хотелось, чтобы он задавал вопросы,

говорил о собственных чувствах, если у него тоже накопилось что-то невысказанное.

Чтобы мы могли обсудить, почему отдалились, и попробовать найти решение.

Но разговоры часто заканчивались одинаково: я говорила всё больше, он

замолкал.

Сначала я пыталась заполнить паузы. Объясняла другими словами, приводила

примеры, возвращалась к тому, что уже сказала. Мне казалось, если подобрать

правильные слова, он наконец поймёт. Потом я начинала злиться. Мне хотелось

услышать хоть что-нибудь — не обязательно согласие, а хотя бы ответ, участие, знак,

что мы оба присутствуем в этом разговоре.

Иногда я повышала голос, иногда сама уставала от собственных слов. В конце

концов мы прекращали разговор и расходились по своим делам. На следующий день

могли вместе позавтракать, обсудить покупки или посмотреть что-нибудь вечером.

Жизнь возвращалась в привычное русло, и я снова надеялась.

Ведь ничего окончательно плохого вроде бы не произошло. Он не хлопал дверью,

не собирал вещи, не говорил, что больше не хочет быть со мной. Значит, думала я, всё

ещё можно исправить.

Я не понимала, что отсутствие расставания ещё не озна-

чает близости.

И всё же я любила его. Это было самым сложным. Если бы я перестала любить,

если бы однажды проснулась и почувствовала только равнодушие, возможно, многое

далось бы легче. Но я продолжала видеть в нём того человека, который встречал меня

на автовокзале с розами. Помнила наши прогулки, первые свидания и вечера, когда

нам было хорошо вместе.

Я держалась за эти воспоминания, потому что они были настоящими. По крайней

мере, настоящими были мои чувства. Мне долго казалось: если когда-то между нами

существовала такая любовь, значит, она не могла исчезнуть окончательно.

Я не знала, что прошлое не может служить гарантией бу-

дущего. Можно

бесконечно вспоминать, каким человек был рядом с тобой, и не замечать, каким он

стал. Я просто хотела вернуть нас. И, пытаясь вернуть прежние отношения,

постепенно теряла саму себя.

Если бы тогда кто-нибудь спросил, счастлива ли я, я, наверное, не ответила бы

сразу. Я перечислила бы хорошее: у нас есть дом, общая жизнь, планы; мы многое

прошли вместе; у каждого бывают сложные периоды; нельзя же ждать от любви

постоянного праздника.

Я умела объяснять. Особенно хорошо — чужое поведение. Гораздо труднее мне

было честно ответить себе, чего хочу я сама.

Мне хотелось, чтобы меня обнимали без просьб, интересовались моим днём не из

вежливости, замечали мою усталость. Чтобы я могла рассказать о тревогах и не

чувствовать себя человеком, который создаёт проблемы на пустом месте. Мне

хотелось быть любимой не только в воспоминаниях.

Но я не думала, что имею право хотеть именно этого. Свои желания я

воспринимала как нечто, что нужно объяснять, смягчать и оправдывать, чтобы не

показаться слишком требовательной.

Мне казалось, зрелая любовь должна быть терпеливой. Я ещё не знала, что

терпение тоже может стать способом не замечать очевидного.

Я не собиралась уходить и не представляла жизни без

него. Я была уверена, что мы

ещё сможем всё исправить. Мне просто хотелось снова почувствовать себя

женщиной, которую выбирают. Не только той, с которой удобно жить, которая

приготовит ужин, уберёт квартиру и выслушает после тяжёлого дня, а той, к которой

хочется возвращаться, которую хочется удивлять и обнимать без особой причины.

Я не знала, сколько времени оставалось до того дня, когда он скажет, что больше

не любит. Не знала, что однажды буду сидеть напротив него на скамейке, смотреть на

его лицо и пытаться понять, как человек, с которым я собиралась прожить жизнь,

может так спокойно говорить о её окончании.

Тогда я верила, что самое страшное, что может случиться

с любовью, — это когда

она заканчивается. Я не знала, что ещё страшнее, когда один человек уже мысленно

ушёл, а второй всё ещё строит для них обоих будущее.

И я продолжала строить его — день за днём, разговор за разговором, надежду за

надеждой.

Я ещё не знала, что однажды мне придётся научиться жить без всего, что я так

старательно пыталась сохранить.

Пока я просто любила его.

И верила, что этого достаточно.

В этих простых действиях было что-то успокаивающее. Я словно создавала для нас

маленький мир, в котором всё находилось под контролем.

За пределами дома могли происходить какие угодно события, люди могли

уставать, злиться, переживать из-за работы и денег, но здесь, среди знакомых вещей,

всё должно было быть хорошо.

Мне хотелось, чтобы ему было приятно возвращаться.

Я могла заранее подумать, что приготовить на ужин, купить продукты, убрать

квартиру. Иногда представляла, как он войдёт, увидит, что я постаралась, улыбнётся

и обнимет меня.

Это была простая мечта.

Но со временем я всё реже получала именно ту реакцию, которой ждала.

Он приходил домой, переодевался, спрашивал что-нибудь по делу. Иногда

благодарил за ужин, иногда просто садился за стол. И всё.

Никакой ссоры. Никакого недовольства. Просто обычный вечер.

Я говорила себе, что это нормально.

Ведь мы уже не на первом свидании. Не нужно каждый день устраивать праздник.

Нельзя требовать от человека восторга из-за приготовленной еды или чистого пола.

И я действительно не требовала.

Но где-то глубоко внутри мне хотелось, чтобы он иногда замечал не только

результат, но и меня саму.

Чтобы видел за приготовленным ужином время, которое я потратила. За уютом —

желание сделать нашу жизнь лучше. За моей привычкой заботиться — не

обязанность, а чувство.

Мне не нужны были аплодисменты за каждое домашнее дело.

Мне хотелось, чтобы моя забота не становилась невидимой только потому, что

повторялась каждый день.

Тогда я ещё не умела объяснять это так ясно.

Я просто иногда чувствовала необъяснимую грусть, а потом злилась на себя за неё.

В конце концов, никто не заставлял меня готовить, убирать и стараться. Я сама

этого хотела.

Разве могла я обвинять его в том, что он привык к моей заботе?

И всё же именно это постепенно начинало меня задевать.

Мне часто казалось, что я слишком многого хочу.

Стоило мне расстроиться из-за какой-нибудь мелочи, как я тут же начинала

спорить сама с собой.

Другие живут гораздо хуже.

Кто-то постоянно ссорится, кто-то изменяет, кто-то не приносит домой денег. А у

нас всё не так плохо. Мы вместе, у нас есть дом, мы можем строить планы.

Почему же мне недостаточно?

Я не сразу поняла, насколько опасно сравнивать собственную боль с чужой.

Если кому-то хуже, это не значит, что тебе не может быть плохо.

Но тогда я словно запрещала себе жаловаться. Я боялась показаться

неблагодарной, капризной, слишком требовательной. Бо-

ялась, что мои желания

будут выглядеть глупыми, а попытка поговорить о них превратится в очередной

неприятный разговор.

Поэтому часто молчала.

Если он не замечал, что я расстроена, я говорила себе, что он просто устал.

Если мы давно не проводили время вместе, убеждала себя, что у каждого свои дела.

Если мне хотелось услышать что-нибудь нежное, я могла сама подойти, обнять его,

поцеловать, попытаться создать ту близость, которой мне не хватало.

Иногда это помогало.

Он мог обнять меня в ответ, улыбнуться, сказать что-то приятное. И тогда я

чувствовала облегчение, будто получила подтверждение, что всё ещё на своём месте.

Вот только мне хотелось, чтобы близость возникала не только тогда, когда я

делала первый шаг.

Я хотела иногда быть той, к кому тянутся.

Той, о ком вспоминают посреди дня.

Той, кому пишут просто потому, что захотелось поговорить.

Мне хотелось не угадывать, любит ли он меня, а чувствовать это.

И чем сильнее мне этого хотелось, тем чаще я убеждала себя, что нужно просто

немного подождать.

Иногда я вспоминала начало наших отношений.

Те самые цветы. Прогулки. Вечера, когда мы могли разго-

варивать обо всём на

свете и не замечать, как проходит время.

Я вспоминала, как он встречал меня на автовокзале с ро-
зами, и внутри словно что-

то сжималось от нежности.

Он ведь умел быть внимательным.

Умел замечать, что меня порадует. Умел придумывать ма-
ленькие сюрпризы. Умел

делать так, чтобы я чувствовала себя особенной.

Значит, всё это было настоящим.

Я не хотела верить, что человек, которого я любила, мог
просто перестать замечать

меня. Мне казалось, что где-то под усталостью, бытовыми
заботами и привычкой всё

ещё существует тот прежний он.

Нужно только дождаться подходящего момента.

Может быть, нам следовало чаще выбираться из дома.

Может быть, стоило куда-нибудь съездить вдвоём.

Может быть, я сама стала слишком погружена в повседневные дела.

Я перебирала возможные причины, словно искала неисправность в сложном

механизме. Если понять, что именно сломалось, можно будет найти способ всё

починить.

Я не замечала, что почти все варианты решения начинались со слова «я».

Я должна что-то придумать.

Я должна изменить подход.

Я должна стать интереснее, легче, веселее.

Я должна найти правильные слова.

А где во всём этом был он?

Этот вопрос иногда возникал у меня в голове, но я не позволяла ему задерживаться

надолго.

Мне было страшно подумать, что отношения, которые я так старательно

поддерживала, могут требовать усилий не только от меня — и что его собственное

желание что-то менять невозможно создать одними моими стараниями.

Гораздо проще было поверить, что я ещё не нашла правильный способ.

Весной я всё-таки решила поговорить с ним серьёзно.

Не намекнуть между делом, не пожаловаться на плохое настроение, не обидеться

и ждать, пока он сам спросит, что случилось.

На этот раз я хотела сказать прямо.

Я помню, как прокручивала разговор в голове. Представляла, как спокойно

объясню, что мне не хватает внимания, что я скучаю по нашим прогулкам, по

маленьким сюрпризам, по ощущению, что мы не просто живём рядом, а

действительно хотим проводить время вместе.

Я старалась заранее подобрать такие слова, чтобы он не почувствовал себя

обвиняемым.

Мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я считаю его плохим мужем.

Я не считала его плохим человеком.

Я любила его.

Именно поэтому мне было так важно, чтобы он понял.

Когда я наконец заговорила, он выслушал меня.

Он не устроил скандала, не стал кричать, не сказал, что мои желания глупы. Он

услышал, что мне не хватает романтики, и купил цветы.

Я помню, как смотрела на букет и пыталась разобраться в собственных чувствах.

С одной стороны, мне было приятно. Он ведь отреагировал. Не проигнорировал

мои слова, не сделал вид, что ничего не произошло.

С другой стороны, я почему-то ощущала, что объяснила не совсем то, что хотела.

Я говорила о цветах, но просила о чём-то большем.

Мне хотелось, чтобы он сам хотел меня радовать.

Чтобы желание сделать мне приятно возникало у него без

напоминаний. Чтобы

романтика не превращалась в задачу, которую нужно выполнить после серьёзного

разговора.

Мне хотелось чувствовать себя желанной, а не услышанной только после того, как

я подробно объяснила, чего мне не хватает.

Но как сказать об этом так, чтобы не обесценить его поступок?

Он ведь купил цветы. Он постарался.

Я поблагодарила его и решила не усложнять.

Может быть, дальше всё изменится.

Может быть, он просто не понимал, насколько это для меня важно.

Может быть, мне стоило радоваться тому, что он сделал, а не думать о том, чего всё

ещё не было.

Я снова выбрала надежду.

Прошло немного времени, и прежняя тишина вернулась.

Я не могу сказать, что после того разговора вообще ничего не изменилось. Бывали

хорошие дни. Бывали моменты, когда мы смеялись, разговаривали и казались

самыми обычными людьми, у которых просто много бытовых забот.

И именно это сбивало меня с толку.

Если бы каждый день был плохим, возможно, мне было бы проще признать, что

мы отдалились.

Но ведь мы могли провести вместе приятный вечер. Он мог обнять меня. Я могла

рассмеяться над его шуткой и на какое-то время забыть обо всём, что меня тревожило.

В такие минуты я думала: вот, всё же хорошо.

Может быть, я зря переживаю.

Может быть, любовь просто стала другой.

Я не понимала, что хорошие моменты и неудовлетворённость могут существовать

одновременно. Что наличие счастья в одни дни не отменяет одиночества в другие.

Я всё время ждала доказательства, что отношения ещё можно спасти.

И каждый маленький знак внимания принимала как такое доказательство.

Мне не хотелось требовать большего. Не хотелось снова начинать разговор,

который мог закончиться молчанием. Не хотелось быть женщиной, которая

постоянно недовольна и всё время чего-то хочет.

Я старалась вести себя так, будто мне достаточно того, что есть.

Но внутри всё чаще появлялся вопрос:

А если так будет всегда?

Я тут же отгоняла эту мысль.

Нет. Не всегда.

Мы любим друг друга. Мы столько прошли вместе. У нас общие планы, общая

жизнь. Не может же всё исчезнуть просто потому, что мы стали меньше

разговаривать и реже делать что-то приятное друг для друга.

Я не знала, что иногда отношения заканчиваются внутри одного человека задолго

до того, как второй узнаёт об этом.

Не знала, что внешнее спокойствие ещё не говорит о том, что всё хорошо.

Я знала только одно: я не хотела его терять.

Поэтому продолжала стараться.

Продолжала заботиться.

Продолжала искать причины, по которым он стал другим, и объяснения, почему

это не должно было означать ничего страшного.

Я всё ещё верила, что если любить человека достаточно сильно, однажды он

обязательно почувствует это и ответит тем же.

Тогда мне казалось, что любовь — это прежде всего терпение.

Что нужно переждать сложный период, стать внимательнее, научиться понимать

друг друга и не делать поспешных выводов.

Я не знала, где заканчивается терпение и начинается отказ от самой себя.

Не знала, что можно так долго пытаться сохранить отношения, что однажды уже

не вспомнишь, когда в последний раз чувствовала себя счастливой без

необходимости что-то исправлять.

Я просто хотела, чтобы мы снова стали прежними.

И каждый вечер, когда он возвращался домой, я всё ещё надеялась, что однажды

он посмотрит на меня так, как смотрел когда-то.

Я не знала, что скоро мне придётся услышать слова, после которых все мои

объяснения потеряют смысл.

Пока я ещё верила, что нас можно спасти.

И пока он молчал, я продолжала говорить за нас обоих.

Я не мечтала о дорогих подарках или бесконечных признаниях. Мне не нужно

было, чтобы каждый день превращался в праздник. Я хотела чувствовать себя

любимой в обычной жизни — среди немытой посуды, рабочих будней, усталости и

планов на завтра.

Но чем дольше я пыталась донести до него свои желания, тем сильнее начинала

сомневаться в их праве на существование.

Однажды я поймала себя на мысли, что перед тем, как заговорить о том, что меня

тревожит, мысленно готовлюсь к его реакции. Подбираю слова, убираю лишнее,

стараюсь не звучать обиженно. Мне хотелось заранее обезопасить разговор, словно

мои чувства могли стать причиной очередной проблемы между нами.

Я убеждала себя, что это и есть зрелость — уметь договариваться, уступать, не

раздувать из мелочей трагедию.

Только почему-то после каждого такого разговора легче становилось ненадолго. А

потом всё возвращалось на прежние места, и я снова оставалась наедине со своими

мыслями.

Я не замечала, как постепенно училась просить о самом простом так, будто

просила об одолжении.

Бывали дни, когда я злилась.

Не кричала, не устраивала скандалов — просто чувствовала внутри тяжёлое

раздражение, которому не находила выхода. Мне хотелось спросить, почему всё стало

таким сложным. Почему раньше он сам стремился быть рядом, а теперь мне

приходилось добиваться даже небольших проявлений нежности.

Иногда я смотрела на него и вспоминала того человека, который встречал меня на

автовокзале с розами. Вспоминала его улыбку, наши прогулки, разговоры ни о чём, то

лёгкое чувство счастья, когда мы могли просто сидеть рядом и смеяться над какой-

нибудь глупостью.

Тогда мне не приходилось объяснять, почему мне хочется внимания.

Именно поэтому я так долго верила, что прежняя близость никуда не исчезла. Мне

казалось, она просто спряталась под усталостью, бытовыми заботами и привычкой.

Стоит нам немного постараться — и мы снова найдём дорогу друг к другу.

Я держалась за воспоминания о начале наших отношений, словно они могли

служить доказательством того, что всё ещё можно исправить.

Но прошлое не могло ответить мне на вопрос, что происходило между нами

сейчас.

Однажды вечером я снова попыталась поговорить с ним. Не помню уже всех слов,

да и, наверное, они не имели такого значения, какое я придавала им в тот момент. Я

говорила о том, что мне не хватает нас. Что мы будто живём рядом, но всё реже по-

настоящему встречаемся друг с другом.

Мне хотелось услышать, что он тоже это замечает. Что ему тоже не нравится

происходящее. Что он готов что-то менять — не ради того, чтобы прекратить разговор,

а потому, что ему дороги наши отношения.

Он слушал. По крайней мере, мне так казалось.

Я пыталась понять по его лицу, что он чувствует, но не могла. Иногда он отвечал

коротко, иногда замолкал. И эти паузы пугали меня больше, чем любые резкие слова.

— Я ведь не прошу чего-то невозможного, — сказала я тогда. — Мне просто хочется

чувствовать, что я тебе нужна.

Сейчас, вспоминая этот разговор, я понимаю, насколько уязвимой была в ту

минуту. Я не пыталась победить в споре. Не хотела доказать, что права. Я словно

протягивала ему в ладонях всё, что ещё оставалось во мне от нашей близости, и

надеялась, что он примет это бережно.

Я ждала ответа, который помог бы мне перестать бояться.

Но даже если он что-то ответил, мне не удалось обрести уверенность, которой я так

отчаянно искала.

В тот вечер мы не расстались. Не приняли никакого окончательного решения.

Жизнь продолжилась, как продолжалась до этого: наступил следующий день,

появились привычные дела, разговоры о повседневных мелочах.

И я снова решила, что, возможно, всё не так плохо.

Мне хотелось верить, что такие периоды бывают у всех.
Что любовь не может

постоянно выглядеть как в первые месяцы знакомства.
Что настоящие отношения —

это не только чувства, но и терпение, ответственность, готовность переживать

сложные времена.

Всё это было правдой.

Я просто ещё не понимала, что терпение не должно превращаться в бесконечное

ожидание, а ответственность за отношения не может лежать на одном человеке.

Постепенно я стала меньше рассказывать о том, что чувствую.

Не потому, что мне больше не было больно. Наоборот, бо-

ли становилось так много,

что я устала снова и снова пытаться объяснить её словами.

Я могла расстроиться из-за какой-нибудь мелочи, а потом долго убеждать себя, что

не имею права придавать ей значение. Могла ждать от него тепла, не дожидаться и

сделать вид, что ничего не произошло. Могла лежать рядом, слышать его дыхание и

ощущать странное одиночество, которое невозможно было объяснить расстоянием.

Мы ведь были вместе.

У нас был общий быт, общие воспоминания, прожитые годы. Мы знали привычки

друг друга, могли предугадать некоторые слова и действия. Со стороны, возможно,

наша жизнь выглядела вполне обычной.

И, наверное, именно это мешало мне понять, насколько сильно я уже изменилась

внутри этих отношений.

Я стала осторожнее со своими желаниями. Чаще откладывала разговоры на потом.

Всё реже спрашивала себя, счастлива ли я, и всё чаще — что ещё могу сделать, чтобы

нам стало лучше.

Я старалась быть удобной не потому, что хотела отказаться от себя. Мне казалось,

что так я сохраняю мир между нами. Что иногда нужно отступить, чтобы не потерять

что-то гораздо более важное.

Тогда я ещё не понимала, сколько себя можно отдать ради сохранения отношений,

прежде чем однажды обнаружишь, что на собственные чувства у тебя почти не

осталось сил.

Но даже в те дни, когда мне становилось особенно тяжело, я продолжала любить

его.

И это было самым сложным.

Потому что любовь не исчезает по расписанию. Она не уходит только потому, что

тебе стало больно. Иногда ты прекрасно видишь, что рядом с человеком тебе плохо,

но всё равно помнишь его объятия, его улыбку, его голос в те времена, когда он

говорил, что вы будете вместе.

Ты любишь не только то, что происходит сейчас. Ты любишь и то, что было, и то,

что могло бы быть. Ты держишься за обещания, за воспоминания, за собственное

представление о вашем будущем.

И постепенно перестаёшь замечать, что настоящее уже давно не похоже на ту

жизнь, которую ты пытаешься сохранить.

Я не могу сказать, когда именно между нами появилась первая трещина.

Возможно, она возникла задолго до того, как я научилась её замечать. Возможно,

мы оба видели что-то своё, но не умели или не хотели говорить об этом честно. Я не

знаю, что происходило у него внутри, и теперь не пытаюсь придумать за него ответы.

Тогда же мне казалось, что если я буду любить достаточно сильно, то смогу

преодолеть любые трудности.

Я верила в то, что люди, прожившие вместе столько вре-

мени, не могут просто

взять и стать чужими. Что общая история должна что-то значить. Что если мы

однажды выбрали друг друга, то обязаны хотя бы попытаться сохранить то, что

построили.

Я была готова меняться. Готова пересматривать свои привычки, учиться лучше

понимать его, искать новые способы вернуть в нашу жизнь тепло. Мне казалось, что

у нас ещё достаточно времени, чтобы всё исправить.

Я не замечала, что в моих мыслях всё чаще звучало слово «я».

Что я могу сделать. Как мне поступить. Что мне изменить. Как мне объяснить. Как

мне стать лучше, чтобы нам снова было хорошо.

Я почти не спрашивала себя, чего хочу я сама, если перестать бояться его потерять.

И уж точно не задавалась вопросом, хочет ли он вместе со мной идти навстречу

тому будущему, которое я так старательно представляла.

Мне казалось, что мы просто переживаем непростой период.

Я ещё не знала, что однажды мне придётся сесть напротив человека, которого я

считала самым близким, и услышать, что всё это время мы, возможно, уже жили в

разных историях.

Что для меня наши отношения всё ещё будут домом, который можно починить, а

для него этот дом может оказаться местом, из которого он давно мысленно ушёл.

В тот момент я не могла этого представить.

Я всё ещё любила его. Всё ещё надеялась. Всё ещё искала способ вернуть нам

прежнюю близость.

И, сама того не понимая, продолжала бороться за двоих.

Я просто не знала, что иногда один человек продолжает строить общее будущее,

пока другой уже начинает сомневаться, хочет ли в нём остаться.

Когда он уехал в рабочую поездку, я не воспринимала это как что-то особенное.

Люди ездят по работе, возвращаются домой, рассказывают, как прошли дни, снова

привыкают к привычному распорядку. В этом не было ничего необычного.

Я продолжала заниматься своими делами и ждать его возвращения. Возможно,

мне даже хотелось, чтобы небольшая разлука пошла нам на пользу. Иногда

расстояние помогает соскучиться, посмотреть на привычные вещи по-другому,

вспомнить, почему человек рядом с тобой так важен.

Я надеялась, что мы тоже сможем немного соскучиться друг по другу.

Мне хотелось встретить его, поговорить, узнать, как всё прошло. Хотелось

обычного вечера, в котором не нужно ничего выяснять и объяснять. Просто быть

рядом, чувствовать себя дома и на какое-то время забыть о том, что в последнее время

между нами было непросто.

Я не знала, с какими мыслями он вернётся. Не знала, что происходило у него

внутри и как он воспринимал наши отношения. Я не пы-

таланась угадать его мысли,

потому что не думала, что за время поездки могло произойти что-то, способное

изменить нашу жизнь.

Я просто ждала, когда он вернётся.

И когда он вернулся, я ещё верила, что всё самое важное в нашей жизни остаётся

неизменным.

После его возвращения он сказал мне, что нам нужно серьёзно поговорить.

Я понимала, что разговор будет важным. Раз он сам предупредил меня об этом,

значит, у него накопились мысли, которыми он хотел поделиться. Возможно, его что-

то беспокоило, возможно, нам предстояло обсудить наши отношения и решить, что

делать дальше.

Но я не подозревала, что он собирается уйти.

Я не думала об измене, не искала скрытых смыслов в его поведении и не пыталась

вспомнить какие-то подозрительные мелочи. У меня не было причин связывать

предстоящий разговор с расставанием. Я знала, что между нами есть трудности, но

верила, что они разрешимы.

Я была готова разговаривать. Готова выслушать его, понять, что его не устраивает,

и вместе подумать, как нам стать ближе друг к другу.

Ведь именно так я представляла отношения: если что-то идёт не так, нужно не

отворачиваться друг от друга, а попытаться разобраться.

Я не боялась услышать критику. Возможно, мне было бы

больно узнать, что я в

чём-то ошибалась, но я считала, что ошибки можно исправлять. Если ему чего-то не

хватало, мы могли обсудить это. Если я делала что-то неправильно, могла

попробовать измениться. Если наши отношения нуждались в переменах, я была

готова искать их вместе с ним.

Мне даже в голову не приходило, что он мог больше не хотеть ничего исправлять.

Я не готовилась к прощанию. Не перебирала в голове возможные слова, не

придумывала, как буду жить одна, и не пыталась заранее смириться с потерей.

Я просто знала, что нам предстоит серьёзный разговор, и ждала его, всё ещё

надеясь, что он поможет нам разобраться в том, что про-

исходило между нами.

Сейчас я понимаю, насколько огромной была разница между тем, чего ожидала я,

и тем, что он собирался мне сказать.

Но тогда я этого не знала.

Мы оказались на скамейке.

Обычная скамейка, каких сотни в любом городе. Люди проходили мимо, кто-то

спешил по своим делам, кто-то разговаривал по телефону. Для них это было обычное

место, где можно ненадолго остановиться.

Я же тогда ещё не знала, что однажды буду вспоминать его как место, где моя

привычная жизнь закончилась.

Я не смотрела на него в последний раз. Не пыталась запомнить его лицо, голос или

то, как он держал руки. Я не думала, что когда-нибудь буду возвращаться к этому дню

в памяти, снова прокручивать наш разговор и пытаться осмыслить, как всё могло

прийти к такому финалу.

Рядом сидел мой муж.

Человек, которого я любила. Человек, с которым прожила около пяти лет. Человек,

с которым у меня было столько воспоминаний, что мне казалось невозможным

однажды просто взять и оставить всё это в прошлом.

Я смотрела на него и видела того, с кем собиралась жить дальше. Я помнила наши

счастливые моменты, наши прогулки, смех, объятия, начало отношений, когда всё

было наполнено радостью и предвкушением. Я помнила,

как он встречал меня на

автовокзале с розами, и как когда-то мне казалось, что рядом с ним я нашла своего

человека.

Эти воспоминания никуда не исчезли только потому, что в последнее время нам

стало трудно.

И я не собиралась от них отказываться.

Мне хотелось верить, что наша история ещё не закончена, что у нас впереди будут

новые хорошие моменты, что мы сможем пройти через непростой период и однажды

снова почувствовать себя близкими.

Я села рядом с ним, не подозревая, к чему приведёт этот разговор.

В тот момент я не думала, что мне придётся бороться за

наш брак. Не

представляла, что буду пытаться убедить его не разрушать то, что мы строили вместе.

Не знала, что через несколько минут начну искать хоть какую-то возможность

изменить происходящее.

Я просто ждала, когда он начнёт говорить.

Есть слова, к которым невозможно подготовиться, даже если ты знаешь, что

разговор будет серьёзным.

Можно ожидать непростого обсуждения. Можно понимать, что между вами

накопились проблемы. Можно быть готовой услышать неприятную правду о себе или

о ваших отношениях.

Но совершенно другое — услышать, что человек, с кото-

рым ты собиралась

прожить жизнь, больше не хочет быть рядом.

Я не успела подготовиться к этой боли, потому что не знала, что она вообще ждёт

меня впереди.

Я думала, что мы будем решать проблему.

Я верила, что у нас есть общая цель — сохранить отношения, даже если для этого

придётся что-то менять. Мне казалось естественным, что после стольких лет вместе

мы оба захотим хотя бы попробовать исправить то, что перестало работать.

Я не могла представить, что мы сядем на одну скамейку, но будем смотреть на

нашу жизнь с совершенно разных сторон.

Для меня наши отношения всё ещё были тем, что можно

спасти.

Я всё ещё видела нас двоих в будущем.

Я всё ещё любила его.

А он собирался сказать мне о своём решении.

И между этими двумя мыслями лежала пропасть, о существовании которой я даже

не подозревала.

Если бы я могла вернуться в тот день и сказать себе всего одну фразу, я бы не стала

просить себя не плакать. Не стала бы убеждать себя быть сильной или заранее

готовиться к худшему.

Я бы просто сказала: «Что бы ни случилось, не забывай о себе».

Но тогда я ещё не знала, насколько сильно мне понадобится этот совет.

Я не знала, сколько слёз пролью, сколько раз буду надеяться на возвращение и

сколько раз мне придётся заново учиться жить без человека, которого считала своим.

Не знала, что однажды смогу вспоминать эту историю уже без прежнего отчаяния.

Что жизнь, которая тогда казалась мне невозможной без него, постепенно

наполнится другими людьми, целями, событиями и радостями. Что я снова научусь

улыбаться, строить планы и чувствовать себя цельной — даже без тех отношений,

которые когда-то считала частью самой себя.

В тот день у меня была только любовь — большая, искренняя любовь человека,

который не понимал, почему его общая жизнь с другим человеком вдруг могла

оказаться под угрозой.

И была надежда.

Я ещё не знала, что совсем скоро буду держаться за неё
изо всех сил, пытаюсь

найти выход там, где другой человек уже поставил точку.

Я не знала, что услышу слова, после которых привычный
мир перестанет

существовать в прежнем виде.

Я знала только одно: нам предстоит серьёзный разговор,
и я хочу, чтобы мы смогли

разобраться во всём вместе.

Я сидела рядом с мужем и ждала, когда он заговорит.

Всё ещё верила, что мы на одной стороне.

Всё ещё думала, что мы будем бороться за нас.

И ещё не понимала, что иногда самый болезненный момент в жизни наступает не

тогда, когда ты теряешь надежду, а тогда, когда узнаёшь, что надежда, за которую ты

держалась, уже давно не принадлежит вам обоим.

— Подожди... — наконец произнесла она. — Как это расстаться? Почему? Что случилось?

Она смотрела на него, стараясь уловить в его лице хоть что-нибудь, что помогло

бы ей поверить: это ещё не конец.

Но он говорил о своём решении так, словно всё уже было обдумано.

И тогда страх, который ещё несколько минут назад не имел для неё никакой

причины, вдруг стал настоящим.

Она могла потерять его.

Не когда-нибудь в далёком будущем. Не в случае, если они не справятся с

очередным сложным периодом.

Сейчас.

— Но мы же можем что-то исправить, — сказала Ирэн.
— Давай попробуем.

Пожалуйста.

Она ещё не думала о том, как будет жить дальше. Не представляла, что расскажет

родным, как объяснит происходящее, что станет делать с привычным укладом

жизни. Всё это было слишком далеко.

В её сознании существовала только одна задача: не дать ему уйти.

Она пыталась вспомнить всё, что могло бы помочь. Раз-

говоры, обещания, хорошие

моменты, общие планы. Ей хотелось напомнить ему, что у них было нечто большее,

чем трудности последних месяцев. Что они прожили вместе около пяти лет, что

между ними была любовь, что когда-то они оба выбрали друг друга.

Разве всё это могло ничего не значить?

— Мы можем начать заново, — продолжала она. — Я могу что-то изменить. Если

тебя что-то не устраивает, скажи мне. Давай попробуем разобраться. Неужели ты

совсем не хочешь дать нам шанс?

Она говорила быстро, почти не успевая осмыслить собственные слова. Мысли

путались, голос дрожал. Ей казалось, что нужно успеть предложить все возможные

решения, пока разговор не закончился окончательно.

Она готова была меняться.

Готова была искать работу, по-другому выстраивать свою жизнь, пересматривать

привычки, давать друг другу больше пространства, если именно этого ему не хватало.

Она предлагала сделать паузу, отдохнуть друг от друга, попробовать начать с чистого

листа.

Любой вариант казался ей лучше, чем тот, который он выбрал.

Она не понимала, как можно отказаться от отношений, даже не попытавшись

исправить их вместе.

Ведь для неё любовь означала не только счастливые дни. Она означала готовность

остаться, когда становится трудно. Разговаривать, когда проще промолчать. Искать

выход, даже если не знаешь, где он находится.

Она верила, что если оба человека захотят, то смогут хотя бы попытаться.

Но в тот момент она впервые столкнулась с тем, что её собственного желания

может оказаться недостаточно.

Он не хотел менять своего решения.

Он говорил, что уже всё объяснил, что не видит смысла продолжать и что ничего

не изменится.

Ирэн слышала эти слова, но продолжала искать в них лазейку.

Может быть, он просто устал. Может быть, ему нужно время. Может быть, сейчас

он говорит так, потому что накопилось слишком много всего, а потом успокоится и

посмотрит на ситуацию иначе.

Она цеплялась за любую возможность, потому что принять происходящее сразу

было невозможно.

— Но почему? — спрашивала она. — Почему ты раньше ничего не сказал? Почему

мы не попробовали всё исправить?

Ей хотелось получить объяснение, которое помогло бы сложить всё в понятную

картину. Если чувства ушли давно, когда именно это произошло? Что стало

причиной? Можно ли было что-то изменить, если бы она знала раньше?

Она вспоминала свои попытки поговорить с ним, просьбы

О внимании, моменты,

когда чувствовала, что между ними что-то не так. Вспоминала, как убеждала себя не

переживать, как старалась быть терпеливой, как надеялась, что всё наладится.

Теперь всё это выглядело иначе.

Но даже тогда она не могла понять, что именно происходило с ним всё это время.

Она знала только то, что слышала от него сейчас. Она не могла прочесть его мысли,

не могла достоверно определить, когда и почему всё изменилось.

Она могла лишь смотреть на человека, которого любила, и пытаться понять, как

он оказался готов отказаться от их общей жизни.

Он избегал её взгляда.

Этот жест причинял ей боль, хотя она не могла тогда объяснить почему. Ей

хотелось, чтобы он посмотрел ей в глаза, чтобы хотя бы на секунду между ними снова

возникло что-то знакомое, что-то, за что можно было бы ухватиться.

В какой-то момент она повернула его лицо к себе, пытаясь заставить его

посмотреть на неё.

И тогда ей показалось, что он тоже сдерживает слёзы.

Он отвернулся.

Ирэн заметила это, но в тот момент не смогла осмыслить. Она была слишком

занята собственным страхом, слишком отчаянно пыталась остановить происходящее.

Ей некогда было разбираться, что именно он чувствовал, почему отворачивался и что

скрывал за молчанием.

Она видела только то, что он не хотел оставаться с ней.

И это было страшнее любых догадок.

Разговор продолжался, а Ирэн всё ещё пыталась найти способ спасти их.

Она предлагала варианты, задавала вопросы, возвращалась к уже сказанному.

Иногда ей казалось, что она повторяется, но остановиться она не могла. Пока она

говорила, у неё оставалось ощущение, что ещё не всё потеряно.

Если замолчать, придётся признать, что он действительно уходит.

А она не была готова.

Она не хотела расставаться. Не хотела делить жизнь на прошлое и будущее, в

котором его больше не будет. Не хотела представлять дом без него, дни без

привычных разговоров, праздники, в которых они больше не будут рядом.

Она любила его.

Любила не только воспоминания о начале отношений, не только человека,

которым он был когда-то. Она любила того, кто сидел перед ней сейчас, даже если его

слова причиняли ей боль. Её чувства не исчезли оттого, что он сообщил о своих.

Она не могла просто выключить любовь по собственному желанию.

— Я могу измениться, — снова сказала она. — Мы можем всё исправить.

Пожалуйста, не принимай такое решение окончательно. Давай хотя бы попробуем.

Наверное, со стороны это могло выглядеть как отчаянная попытка удержать

человека любой ценой.

Но Ирэн не думала о том, как выглядит. Она не пыталась сохранить гордость,

подобрать правильные слова или показать, что справится без него.

Она просто не хотела терять мужа.

Она не считала унижительным просить о шансе, потому что для неё их отношения

всё ещё имели значение. Она не видела слабости в том, чтобы плакать перед

человеком, которого любишь. Ей казалось естественным бороться за то, что было

дорого.

Она ещё не понимала, что можно сделать всё возможное

и всё равно не получить

желаемого результата.

Что иногда отношения заканчиваются не потому, что один человек недостаточно

старался, а потому, что второй больше не хочет продолжать их.

И что никакие обещания не способны заменить чужое желание остаться.

В какой-то момент стало ясно, что её слова ничего не меняют.

Он сказал, что уже всё решил.

Ирэн продолжала слышать его голос, но внутри неё будто что-то оборвалось. Она

ещё надеялась, ещё хотела верить, но впервые почувствовала, что не может повлиять

на происходящее.

До этого ей казалось, что у каждой проблемы есть решение. Что нужно лишь

найти правильные слова, сделать правильный шаг, проявить больше терпения или

понять друг друга чуть лучше.

Теперь перед ней была ситуация, в которой от неё почти ничего не зависело.

Она могла обещать измениться, но не могла заставить его захотеть остаться.

Могла напоминать о прошлом, но не могла вернуть его чувства.

Могла предлагать будущее, но не могла построить его за двоих.

Эта мысль была настолько болезненной, что Ирэн ещё долго не могла принять её

полностью.

Она плакала. Пыталась говорить. Снова спрашивала, дей-

ствительно ли он уверен.

Надеялась, что он передумает, что увидит её боль и хотя бы на мгновение усомнится в своём решении.

Но он не отступил от сказанного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.